

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

ОТ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ К ВИЗАНТИИ

Сектором византиноведения Института истории АН СССР при участии ряда византистов из других научных учреждений подготовлено и опубликовано трехтомное издание истории Византии¹. Рецензируемая книга — первый том этого издания².

Уже сам по себе факт подготовки советскими историками подобного труда — знаменательное событие. Еще в дореволюционной России византистика имела значительные научные достижения. Русскими буржуазными историками был подготовлен и ряд синтетических трудов по истории Византии. Советские историки, восприняв лучшие научные традиции русских буржуазных ученых, основывались в своих исследованиях, однако, на совершенно иных методологических принципах. Им приходилось заново разрабатывать все главные проблемы византийской истории.

Естественно поэтому, что в течение ряда десятилетий советские византисты занимались главным образом исследованием узловых проблем социально-экономической и политической истории Византии, и результаты этих исследований находили свое отражение в монографиях и статьях. Обобщающие же труды по истории Византии до последнего времени не издавались, если не считать сжатого очерка, опубликованного в 1940 г. М. В. Левченко. Поэтому появление в 1967 г. обобщающего труда по истории Византии свидетельствует о завершении важного этапа в развитии советской византистики.

Первый том охватывает IV—VII вв. т. е. тот период, когда происходил переход от античности к средневековью в восточных провинциях Римской империи, когда складывалось Византийское государство.

Разложение рабовладельческого строя в восточных римских провинциях осуществлялось во многом иначе, чем на Западе. Особенности генезиса феодализма в восточной части империи до настоящего времени по-разному оцениваются советскими византистами.

Перед авторским коллективом I тома стояла поэтому сложная задача: последовательно излагая ход исторических событий в Поздней Римской империи, в первую очередь на Востоке, одновременно раскрывать сущность социально-экономических, политических преобразований, сдвигов в идеологической жизни общества, происходивших в рассматриваемый период.

В книге советских историков большое место занимают проблемы экономического развития. Уже этим новый труд по истории Византии существенно отличается от большинства обобщающих работ зарубежных византистов, в которых главное внимание уделяется политической истории.

В рецензируемой книге наряду с социально-экономическими проблемами находят свое отражение и другие стороны общественной жизни Византии. Помимо глав, посвященных аграрному строю, городам, ремеслу и торговле, мы находим здесь главы, в которых рассматриваются внутренняя и внешняя политика Византии, народные движения, христианская церковь, наука, литература и искусство.

В первой главе охарактеризованы многообразные источники по истории ранней Византии — исторические произведения и хроники, политическая и публицистическая литература, юридические памятники, папирусы, эпиграфические, археологические и нумизматические материалы. Несмотря на обилие источников, относящихся к рассматриваемому периоду, автору главы удалось сжато, но четко и на достаточно высоком

¹ «История Византии» в трех томах, т. I—III. М., 1967.

² Ответственный редактор З. В. Удальцова.

научном уровне охарактеризовать важнейшие исторические памятники. Наиболее обстоятельным является описание юридических источников и византийской историографии. По-видимому, следовало бы более четко дифференцировать собственно византийских историков и тех римских авторов, которых нельзя еще тесно связать с восточной частью империи, хотя в их произведениях и содержатся некоторые данные о восточно-римских провинциях. Так, например, Аммиана Марцеллина, несмотря на его греко-сирийское происхождение, вряд ли можно считать византийским историком. Среди юридических памятников следовало бы, хотя бы кратко, упомянуть и сирийский законник. Естественно, что в рамках одной небольшой главы не было возможности подробно остановиться на археологическом и эпиграфическом материале. Но значение таких важных источников, как папирусы, следовало бы изложить более обстоятельно.

Во второй главе, посвященной образованию Византии, содержится анализ особенностей социально-экономического развития восточных провинций Римской империи к IV в., их природных условий и этнического состава населения.

Этот анализ в целом не вызывает возражений. Автор главы справедливо отмечает постепенное обособление восточной и западной частей Римской империи и перемещение центра экономической и политической жизни на Восток. Но существенная дифференциация в уровне экономического и культурного развития всегда была характерна для провинций империи. Остается не вполне понятным, почему обособление восточной и западной части сделало неизбежным выделение восточных провинций в самостоятельное государство в конце IV в. Ссылка на кризис рабовладельческого общества носит слишком общий характер.

В главе третьей сосредоточена основная часть того анализа экономики Византии, который содержится в книге. В этой главе рассматривается аграрный строй IV—VII вв., крупное земледелие, значение труда рабов, колонов и свободных земельных держателей в сельском хозяйстве, характер общинного устройства в византийской деревне, различные виды условного земледелия. Согласно утверждению автора, основную массу сельского населения в V в. составляли колоны; довольно значителен был слой свободного крестьянства, особенно во Фракии, Дакии и внутренних областях М. Азии. Для крупного поместья в этот период характерно сокращение его господской части и расширение земельной площади, обрабатываемой мелкими держателями.

Основной тип деревенской общины — митрокомия, соседская община, в которой для крестьян сохраняются некоторые ограничения в праве отчуждения земли. Указанные положения автора в общем соответствуют взглядам, утвердившимся в специальной литературе. Особенно ценно в данной главе то, что в ней отмечаются особенности аграрного строя различных районов Византии. Интересен также собранный автором материал по малоизученному вопросу — о структуре villae некоторых восточных провинций. Отдельные заслуживающие внимания тезисы автора, к сожалению, недостаточно раскрыты. Так, например, в конце главы высказано важное соображение о том, что в ряде областей империи «...раннефеодальные отношения стали складываться на основе внутренней эволюции рабовладельческого строя». Это положение затрагивает главное отличие генезиса византийского феодализма от процесса возникновения феодальных отношений в Западной Европе. Но этот важный социологический тезис сформулирован бегло, без прямой связи с предшествующим изложением, изолированно. Остановившись на хозяйственной структуре византийской villae и ее эволюции, автор не касается важного вопроса — в какой мере это поместье было связано с рынком. Между тем в следующей главе говорится об устойчивости товарно-денежных отношений в ранней Византии.

Как известно, одной из важнейших особенностей истории Византии в IV—VII вв. было сохранение значительной роли городов в экономике и в целом в общественной жизни. В четвертой главе описывается состояние городов, торговли и ремесла в IV—V вв., взаимоотношения Константинополя и провинций. Автор раскрывает противоречивый характер развития византийской экономики в этот период. В основных областях Византии еще в значительных размерах сохранялись товарно-денежные отношения, ремесло. Городские ремесленники обслуживали потребности городского и сельского населения. Константинополь был важнейшим центром торговли и ремесла. Имела место экономическая специализация отдельных областей страны. В то же время число полисов сокращалось, а значительная часть городов аграризировалась, пришла в упадок муниципальная система. Произошли изменения и во внешнем виде города, сближавшие его с феодальным городом (обилие церквей, наличие городских стен, стесненность в размещении домов и улиц). Автор сумел рассмотреть большой круг сложных и в ряде случаев спорных вопросов. Некоторым пробелом можно считать то, что в данной главе не освещен вопрос о мелких курiales, мало отличавшихся по своему положению от свободных крестьян, а также об эксплуатации городской верхушкой сельского плебса городской округи.

Глава пятая содержит характеристику социально-политического и государственно-го строя империи в IV—V вв. Византийское государство представляло собой «централизованную военно-бюрократическую монархию». Его социальная сущность — это «диктатура крупных земельных собственников-рабовладельцев и богатой торгово-ростовщической верхушки» (стр. 130). Автор отмечает также такие черты социально-политического устройства, как строгое разграничение сословий и привилегированное по-

ложение сенаторского сословия, останавливается на роли димов (партий цирка) в политической жизни. Против такой характеристики социально-политического строя трудно что-либо возразить. Для того чтобы анализ политического устройства был полным, следовало бы однако, остановиться на положении варварской служилой военной знати, которая играла в то время большую роль в государственной жизни Византии.

Шестая глава посвящена христианской церкви IV—VI вв. В ней содержится большой фактический материал о структуре церкви в рассматриваемый период, борьбе за церковное единство, положении епископата, роли вселенских соборов, о монашестве. Автор делает научно обоснованные выводы относительно положения христианской церкви в Византии. Некоторые выводы о связи между взглядами отцов церкви и социальными противоречиями того времени представляются, однако, спорными. Так, например, известное замечание Августина о том, что государство есть не что иное, как «великий разбой», рассматривается как отражение в какой-то степени воззрений народных масс (стр. 162). Для того чтобы у читателя не возникло одностороннего представления о взгляде гишпонского епископа на государство, следовало бы добавить, что отрицание государства отнюдь не было абсолютным. Отождествляя государство с разбойничьей пайкой, он добавлял: «...если оно не основано на справедливости».

В седьмой — девятой главах рассматриваются основные события политической и военной истории, а также религиозной жизни Византии в IV—V вв. Автор стремится проанализировать сложные взаимоотношения между государственной властью и различными слоями господствующего класса, а также политику государства по отношению к народным массам. Византийское государство в рассматриваемый период, по мнению автора, выражало интересы в первую очередь городской верхушки. Это особенно характерно для времени правления Феодосия II и Анастасия. Политика Зинона — ставленника «военно-феодалной знати Исаурии» также была направлена против крупной поземельной знати. Государство решало в этот период трудную проблему взаимоотношений с варварами, находившимися на его территории (готами, гуннами). Считая, что наиболее острой формой социальной борьбы в IV в. были религиозные столкновения, автор в указанных главах уделяет большое внимание ересям — арианству, несторианству, монофизитам, роли монашества в общественной жизни. Ценно то, что, стараясь обнаружить связь между событиями религиозной жизни и социально-экономическим развитием, автор, как правило, достаточно осторожен и избегает упрощенного схематичного толкования подобных вопросов. Он не выводит ереси непосредственно из тех или иных социальных интересов народных масс, как это нередко делалось в прошлом в исторической литературе. Изучая возникновение ересей, автор учитывает не только стихийный социальный протест народных масс, но также и противоречия внутри господствующего класса, локальные интересы населения различных провинций империи. Можно признать совершенно справедливым мнение автора, что стихийная, неорганизованная борьба народных масс в Византии была обречена на поражение.

Некоторые положения, высказанные в данных главах, представляются спорными. Так, например, трудно согласиться с утверждением, что крупная землевладельческая знать из сенаторского сословия в этот период уже уступила свое господствующее положение городской торговь-ростовщической верхушке. Некоторые мероприятия государства истолкованы слишком односторонне, как покровительство городским слоям или мелким земельным держателям, осуществляемое в ущерб крупным землевладельцам. Практика эмфитевзиса, которая, как полагает автор, развивалась в соответствии с интересами городских ктиторов, могла быть использована и крупными землевладельцами для приобретения земель из доменов фиска. Закон Анастасия, изданный около 500 г., закреплял, по мнению автора, за мелкими держателями земли, которые они обрабатывали в течение 30 лет и более, и не предоставлял выгод для крупных землевладельцев. Но в действительности, объявляя таких съемщиков колонатами, данный закон лишал их свободы ухода, прикреплял навеки к земле. Правительство неоднократно издавало законы против патрониев крупных земельных магнатов, но оказалось не в состоянии добиться соблюдения этих законов.

Десятая — четырнадцатая главы посвящены эпохе Юстиниана, обстоятельному рассмотрению всех аспектов деятельности крупнейшего византийского императора, его социально-экономической, законодательной и церковной политике. То, что данному периоду уделено столь значительное внимание, вполне понятно. Речь идет об эпохе экономической и политической стабилизации Византийского государства после кризиса IV—V вв. Важнейшей целью внутренней политики Юстиниана было, как думает автор, наступление на крупное сенаторское землевладение, борьба против сепаратистских и децентрализаторских устремлений знати. В течение определенного времени Юстиниан пользовался поддержкой куриалов и средних землевладельцев. Правительство вело политику дальнейшего закрепощения колонов и стремилось лишить имущественных прав не только анагографов, но и так называемых «свободных колонов». Правда, одновременно возрастала реальная хозяйственная связь колона с его земельным участком. Изменение форм и методов использования рабского труда выразилось в широком распространении пекулия, применении рабов для ведения мелкого хозяйства и в городе и в деревне. Ведя борьбу против роста крупного сенаторского землевладения, стараясь опереться на средние слои землевладельцев и куриалов, Юстиниан на

определенном этапе создал широкую социальную базу своему режиму. Отражением сдвигов в социально-экономических отношениях явились изменения в праве. Они выражались в уничтожении различий между существовавшими ранее формами собственности, нивелировке гражданских прав свободного населения, улучшении юридического статуса рабов. Все вопросы гражданского права решались в соответствии с принципом господства полной частной собственности. Правительство старалось укрепить союз государства с церковью на основе никейского символа веры. Оно содействовало росту церковного землевладения, боролось против ересей и язычества, подавило, в частности, восстание самаритян в Палестине. В то же время Юстиниан отстаивал примат светской власти над церковной. В названных главах, как и в предыдущих, уделяется большое внимание народным движениям и внутренней политической борьбе. События освещаются восстание «Ника», во время которого против Юстиниана под руководством венетов и прасинов выступили широкие слои народа. Подробно охарактеризованы также попытки Юстиниана реставрировать империю на Западе, войны в Северной Африке, Италии и Испании. Не ограничиваясь описанием хода военных действий, автор характеризует внутреннее положение в соответствующих варварских королевствах накануне византийского вторжения и политику Юстиниана на завоеванных территориях. В общем перед читателем предстает во всей многогранности общественная жизнь Византии в «век Юстиниана».

В большинстве случаев сложные проблемы социально-экономического и политического развития Византии решаются в данных главах в такой мере, в какой позволяет это сделать современное состояние византистики. Некоторые же выводы и формулировки автора представляются несными или недостаточно убедительными. Трудно, например, установить, как различаются «средние землевладельцы-рабовладельцы и куриалы». Некоторое улучшение статуса рабов (расширение прав сервов на пекулий, запрещение убивать рабов), отмечаемое как явление, присущее VI в., заметно значительное раньше, еще в Ранней Римской империи. Вряд ли можно считать политику Византии на завоеванных в Африке и Италии территориях «восстановлением рабовладельческих порядков» (стр. 304—321), так как эти порядки не отменялись и в варварских королевствах, а лишь постепенно изживались. Спорным является вопрос о характере тех сдвигов в социально-экономических отношениях, которые происходили в Византии при Юстиниане. Утверждение, что в этот период нарождались раннефеодальные отношения, плохо согласуется с большим материалом о стабилизации рабовладельческих отношений, который приводится в этих же главах. Может быть, уместно употреблять иные формулировки, говорить о возникновении некоторых предпосылок для будущей феодализации или об элементах феодальных отношений. Складываются же феодальные отношения после VII в. (стр. 16 главу).

В пятнадцатой главе рассматриваются события, которые имели важнейшее значение для судеб Византии, — вторжения славян и их расселение на землях империи. Автор характеризует социальный строй славян к VI в., последовательно описывает их набеги на территорию Византии, которые приводят в конечном счете к оседанию завоевателей в различных районах Балканского полуострова. Славянское поселение привело к укреплению местных сельских общин и мелкой свободной собственности, ускорило изживание рабовладельческой формы эксплуатации и увеличило производительный земледельческий слой населения Византии. В данной главе собран значительный фактический материал по рассматриваемому вопросу и сделаны обоснованные, как правило, выводы. Не разъясненным до конца остается, однако, важный вопрос: если Византия во второй половине VI в. оказалась беспомощной перед славянскими завоевателями, то почему ей все же удалось сохранить государственную самостоятельность, а славянские поселенцы оказались, как отмечает автор, налогоплательщиками и воинами Византийского государства.

Одним из наиболее интересных разделов первого тома «Истории Византии» является шестнадцатая глава, в которой освещается внутреннее и внешнее положение империи во второй половине VI—VII в. и делается попытка решить вопрос о характере перехода от античности к средневековью в Византии. Автор отмечает децентрализацию административного устройства, осуществленную при Маврикии, описывает политику террора Фоки, направленную против высшей знати, захват власти Ираклием, возникновение фем, останавливается на борьбе Византии против арабов и других внешних врагов, на изменении территориального и этнического состава государства (утрата Египта, Сирии, Палестины). Важнейшим социально-экономическим преобразованием было то, что крупные рабовладельческие поместья были подорваны, а местами уничтожены; на территориях, где эти поместья были расположены, установилось господство крестьянской общины. Происходил дальнейший упадок городов, этого оплота рабовладельческой системы. «Рабовладельческая эксплуатация перестала быть основной формой классового гнета» (стр. 376). В Византии происходил тот же процесс упрочения мелкого независимого крестьянского производства и распространения свободного крестьянства, что и на Западе. Но эти явления осуществлялись не в рамках новых варварских королевств, а «... в условиях ослабления римской государственности и античных муниципиев».

Нельзя отрицать смелость и последовательность данной концепции социального переворота, осуществленного в Византии в VI—VII вв. Она связана с тем

фактическим материалом об историческом развитии Византийского государства, который приводится в соответствующих главах книги. Это не означает, разумеется, что в рецензируемой книге решены все вопросы, связанные со сложнейшей задачей, давно стоящей перед специалистами, — генезисом феодализма в Византии. Неясной остается, например, социальная база того государства, в котором осуществлялась экспроприация сенаторской землевладельческой знати и упрочение свободного крестьянства. Слишком неопределенны данные о соотношении свободного крестьянства и зависимых землевладельцев в различных византийских провинциях, и нет уверенности в том, что вывод о «господстве крестьянской общины» достаточно обоснован. Но в целом, как рабочая гипотеза, охарактеризованная выше концепция социального перелома в Византии имеет положительное значение.

Духовная культура Византии IV—VII вв. рассматривается в книге как прямое продолжение античной культуры. Новое заключалось в том, что античному наследию придавалась богословская направленность, во всяком случае оно перерабатывалось в соответствии с христианским вероучением. В Византии не было такого упадка образованности, как на Западе. Некоторые отрасли науки даже продолжали здесь прогрессировать, например география, право, химия, медицина. В крупных городах сохранялись высшие школы, библиотеки, развивались далее все жанры литературы. Для искусства также характерны взаимодействие и соперничество между христианской культурой и античной. В философии происходила борьба между неоплатонизмом и христианской философией — восточной патристикой. Характеристике основных черт неоплатонической философии и ее эволюции в IV—VI вв. посвящена специальная глава, в которой излагается интересный материал. Определение социальной базы этого философского направления («узкая прослойка городской рабовладельческой знати, связанной с городским самоуправлением», стр. 408) носит, однако, слишком умозрительный и искусственный характер.

В общем же авторским коллективом I тома «Истории Византии» проделана большая плодотворная работа. Заново, в соответствии с материалом, накопленным современной византистикой, освещен переходный период от античности к средневековью, от Восточной Римской империи к Византии. Ряд положений, высказанных в книге, остается спорным. Но это свидетельствует лишь о том, что авторы не уклонились от нерешенных исторической наукой вопросов и предложили собственное их понимание.

Книга написана живо, хорошим языком. Рецензируемое издание является не только ценным вкладом в советскую византистику, но и станет книгой, доступной как специалистам, так и широким слоям читателей исторической литературы.

А. Р. Корсунский

НОВАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ СЕРБО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIV в.

Сербской Академией наук и искусств недавно издана монография выдающегося византиста Г. А. Острогорского «Серрская область после смерти Душана»¹, посвященная истории сербо-греческого княжества, существовавшего в Юго-Восточной Македонии в 1356—1371 гг. и имевшего столицей греческий город Серры. Выбор автором этой темы нельзя не признать весьма удачным и своевременным. История сербо-византийских отношений в XIV в., история греческих областей, потерянных Византией и вошедших в состав территорий своеобразных сербо-византийских государств (Сербо-Греческое царство Стефана Душана и сформировавшиеся после распада этого царства в Македонии, Эпире, Фессалии и Албании княжества сербских династов) разработана еще очень слабо. Совершенно прав Г. А. Острогорский, что «для изучения отношений между сербами и греками в старых византийских землях нет более интересной области, нежели эта, Серрская (стр. 1).

Разумеется, предпочтение, отданное этой области, обусловлено не только тем, что Серрское княжество, как отмечает автор, в наибольшей мере соприкасалось с Византией и имело в своем составе греческие области и города Южной Македонии (включая Афон). Это, по нашему мнению, вызвано также тем (заметим в противовес словам автора о «скудости» и «малочисленности» наличных источников — стр. 1—2), что именно для Серрского княжества, в отличие от других сербо-греческих государств (таких, как Фессалийское царство, Веррийское княжество Хлапена, Воденское княжество Фомы Прелюбовича, княжество Богдана и др.), наука располагает относительно большой документальной базой. Немало актов сохранилось в афонских монастырях, пользовавшихся благоволением и милостями сербских властителей Серр (царицы Елены-Елизаветы, вдовы Душана, и ее преемника, деспота Иоанна Углеши). Для воссоздания же ис-

¹ Г. Острогорски. Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965, 171 стр. (с картой: «Владения деспота Иоанна Углеши»).